

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

И. И. ПОТЕХИН

ЗАДАЧИ БОРЬБЫ С КОСМОПОЛИТИЗМОМ В ЭТНОГРАФИИ

Идея космополитизма — отрицание роли национального момента в истории человеческого общества — не новая идея. Как и национализм, она возникла вместе с зарождением наций и национального самосознания. Как и национализм, она является идеей буржуазной. Для буржуазного мировоззрения характерны как противопоставление своей нации другим нациям, признание превосходства своей нации над другими нациями, так и готовность жертвовать своими национальными интересами ради интересов денежного мешка. Душа капиталиста там, где вложены его капиталы, где они приносят наибольшую прибыль. Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» писали, что свободная конкуренция и мировая торговля породили «лицемерный буржуазный космополитизм».

Сейчас идея космополитизма превратилась в острое идеологическое оружие американского экспансионизма. Монополистический капитал США стремится к мировому господству. «Доктрина Трумэна» — это программа создания мировой американской империи, поглощающей не только колониальные страны, но и суверенные государства. Поэтому идеологи американского империализма занялись «теоретическими» изысканиями в области национального вопроса, имея целью доказать, что национальный суверенитет утратил в наше время свое былое значение, что борьба за национальную независимость является в наши дни вредным пережитком, что двадцатый век — это век космополитизма, не совместимого с существованием национальных, государственных границ. Космополитизм это — оружие «холодной» войны, призванное разрушить в народах чувство национального достоинства, облегчить американским агрессорам порабощение народов.

«Одним из направлений идеологической «кампании», соответствующей планам порабощения Европы, — говорил А. А. Жданов на информационном совещании некоторых компартий в сентябре 1947 г., — является нападение на принцип национального суверенитета, призыв к отказу от суверенных прав народов и противопоставление им идеи «всемирного правительства».

Борьба против космополитизма приобрела сейчас поэтому большое политическое значение. Она охватывает все участки идеологического фронта и, в частности, этнографию. В реакционный идеологический поход против национального суверенитета включилась не только американская социология, но и американская этнография. Не будет преувеличением сказать, что идея космополитизма стала знаменем руководящих органов американской этнографии.

Космополитизм и этнографическая наука, пока она остается действительно наукой, не только не совместимы, но прямо и принципиально противоположны.

Объектом этнографического исследования является народ в историческом процессе его становления, развития. Задача этнографического исследования состоит в том, чтобы выяснить, установить, описать этническую, национальную специфику, то, что отличает одну нацию, этническую группу от другой, а также и то, что есть общего между ними, т. е. не только то, что их разъединяет, но и то, что их объединяет. «Советские люди считают,— говорил И. В. Сталин на приеме Финляндской правительственной делегации 7 апреля 1948 г.,— что каждая нация,— все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее»¹. Вот эти качественные особенности каждой нации, их национальная специфика и являются объектом этнографической науки.

Национальная специфика имеет глубокие исторические корни. Процесс формирования нации представляет собою сложный процесс слияния, переработки культур разных племен и народов, отмирание одних, старых элементов и появление других, новых элементов; каждая национальная культура в процессе своего становления, развития испытывает посторонние влияния. История человечества — это, исключая все другие стороны процесса, история многочисленных, сложных трансформаций одних этнических общностей в другие, мелких и менее сложных — в более крупные и более сложные. Первобытное стадо, племя, народность и национальность — все это последовательные ступени развития, которые в период перехода от феодализма к капитализму завершаются формированием нации. Проследить историю становления современных наций, выяснить этнические элементы, из которых они складывались,— одна из важнейших задач этнографии. Чем дальше в глубь веков, тем шире задачи этнографии, так как многие исторические науки останавливаются на границе появления письменности. Первобытное общество входит в сферу интересов этнографии целиком, всеми своими сторонами. Но и здесь она изучает не общество вообще, не первобытную культуру вообще, а строго определенные этнические общности, племена или группы родственных племен и только на этом конкретном материале строит свои обобщения, формулирует закономерности, характерные для первобытного общества в целом.

Народ, его национальная или этническая специфика — альфа и омега этнографической науки, ее отправной момент и ее завершение. Космополитизм же означает отрицание национальной специфики, пренебрежение национальными особенностями народов. И несмотря на все это, реакционные идеи космополитизма получили широкое распространение в современной буржуазной этнографии, особенно в американской. Проникновение космополитизма в этнографию — не случайная ошибка той или иной школы, а результат, показатель перерождения буржуазной этнографической науки в абстрактную социологию. Это перерождение имеет совершенно определенные классовые и теоретические корни.

I

Этнография, как и всякая другая наука, была вызвана к жизни практическими нуждами развития человеческого общества. Одним из самых ранних источников этнографии являлась потребность в изучении

¹ «Правда» от 8 апреля 1948 г.

соседних и других народов, с которыми данный народ находился в сношениях. Экономические и политические связи, нужды обороны и агрессии требовали изучения других народов. Этнография как народоведение, как простое описание народов появилась очень давно; известны этнографические описания Геродота, Тацита и других исследователей древних веков. Эпоха великих географических открытий и начало колониальной политики капитализма дали мощный толчок собиранию этнографических материалов о народах, разбросанных по всему земному шару.

С тех пор, и особенно в эпоху империализма, этнография прямо и непосредственно служит интересам колониальной политики империализма. Этнографические учреждения работают в тесном контакте с министерствами колоний и по их заданиям. В аппарате английской колониальной администрации работают виднейшие этнографы (Мик, Тальбот, Рэтрей, Притчард, Кальвик и др.). Английские этнографы занимаются теоретической разработкой проблем колониального управления. В одном из номеров руководящего органа английской этнографии «*Map*» за 1944 г. была напечатана статья видного представителя английской колониальной политики лорда Хэйли под характерным заголовком: «Роль этнографии в колониальном управлении».

Показательно в этом отношении изменение сферы интересов американской этнографии. До второй мировой войны американская этнография занималась преимущественно народами американского континента. Во время, и особенно после второй мировой войны, когда американский империализм выступил с «доктриной Трумэна», американская этнография стала проявлять повышенный интерес не только к Микронезии, но к Индонезии, Индии и Африке. В 1941 г. было основано «Общество прикладной этнографии». В руководящем органе американской этнографии «*American Anthropologist*» (1946, № 2, стр. 195) было сделано замечательное признание: «многие этнографы оставили свои библиотеки, лаборатории и классные комнаты для правительственной службы». Международный конгресс антропологических и этнографических наук, состоявшийся в 1946 г. в Оксфорде, образовал специальный комитет для разработки практического «применения антропологических знаний в административных и общественных целях».

Другим источником этнографической науки являются исследования, связанные с формированием национального самосознания. «Изучение народа и народности с целью научным образом постичь характер и жизнь народа, как основу национальности и государства», — так определял задачи этнографии историк русской этнографии, идеалист по своему мировоззрению, А. Пыпин. Общественное сознание отстает от изменения общественного бытия. Так и национальное самосознание пришло значительно позже формирования основных наций Европы; оно выковывается в горниле национальных движений, которые появляются в Европе лишь с началом XIX в. и в которых национальный вопрос впервые в многовековой истории человечества стал знаменем борьбы широких народных масс.

К этому времени относятся и первые попытки создать учение о нации; в разработке этого учения принимают участие историки, философы, юристы и этнографы. Особое внимание привлекает к себе этногенез отдельных европейских народов: каждая нация, втиснутая решениями Венского конгресса в прокрустово ложе легитимизма, ищет историческое обоснование своих прав на создание независимого государства. Народы, которые оказались политически разобщенными, ищут теоретического обоснования своей борьбы за объединение, за создание целостных национальных государств. Вопрос об этнических, национальных особенностях народов оказывается в центре научной, теоретической мысли. В это время и рождается этнография как наука, а также фоль-

клористика как ее особая, соподчиненная часть. Новые идеи и теории появляются тогда, когда общество в них нуждается.

Интерес к этнографическим исследованиям вызывался помимо всего прочего общим развитием науки об обществе. Этнография с ее специфическим методом исследования должна была распознать те «белые пятна» истории человечества, перед которыми останавливались в беспомощности историки, должна была дать социологии фактический материал, без которого нельзя было понять общие закономерности развития общества. Но именно указанные выше потребности развития общества, его практические интересы в первую очередь вызвали к жизни этнографическую науку и определили ее характер.

Разными путями развивалась этнографическая наука разных стран. В таких странах, как Англия или Франция, которые «не знали, вообще говоря, национального гнета»², но перед которыми очень рано встала задача изучения поработанных ими колониальных народов, этнографическое изучение своего народа никогда не стояло в центре внимания этнографии, главная масса сил и средств всегда отдавалась изучению колониальных народов. Германская этнография формировалась в период борьбы за национальное объединение германского народа; обосновать национальную общность, вскрыть глубокие исторические корни этой общности — такова была задача, вызвавшая к жизни германскую этнографию и, в частности, фольклористику с ее мифологической школой. Но, когда Германия вышла на путь колониальных захватов, вышла как крайне агрессивная империалистическая держава, интересы этнографического изучения родного народа отошли на второй план и широко развернулось изучение колониальных народов.

Русская этнография как наука сложилась в середине XIX в. Это был период крутого подъема русской общественной мысли, период деятельности великих революционных демократов, период идейной революции, когда формировались и развивались демократические революционные идеи, когда материализм и революционная диалектика вытесняли гегельянство и шеллингизм. Это был вместе с тем период формирования русского национального самосознания. Передовые представители русского народа, и прежде всего В. Белинский, подняли знамя борьбы против низкопоклонства перед Европой, против реакционного тезиса о вторичности русской культуры. Н. Надеждин, примыкавший тогда еще к прогрессивному лагерю и возглавлявший этнографическое отделение Русского географического общества, — основной в то время этнографический центр России, писал:

«Нам надо выучиться уважать себя, дорожить своей народной личностью... хотя не с таким смешным хвастовством, как француз, не с такой чванной спесью, как англичанин, не с таким глупым самодовольством, как немец. Обольстительная идея космополитизма не существует в нынешней Европе: там всякий народ хочет быть собою, живет своей самобытной жизнью... И никто из них не стыдится себя, не гнушается собою; напротив, все убеждены твердо и непоколебимо, что лучше чуждые им, умней и просвещенней нет на свете... Отчего же мы русские боимся быть русскими». В эти же годы В. Белинский громял «безродных космополитов» и призывал «перестать восхищаться европейским потому только, что оно не азиатское».

Этнография и фольклористика подчиняются задаче формирования русского национального самосознания. «Нам сказки важны всего более, как материал для характеристики народа», — писал Н. Добролюбов. Этнографическое изучение русского народа выдвигается на первый план. «Главным предметом внимания должно быть то, что именно делает Россию Россией; т. е. человек русский», — говорил Н. Надеждин

² И. Сталин, Соч., т. 5, стр. 16.

в своем программном докладе «Об этнографическом изучении народности русской» (1848). Русская этнография не могла пройти мимо этнографического изучения и нерусских народов, населявших Российскую империю. Не отказывались русские этнографы от изучения и других народов, живших за пределами России; в частности, этнография славянских народов всегда пользовалась заслуженным вниманием русских этнографов. Но русский народ всегда стоял в центре внимания русской этнографической науки.

Разными путями шла этнографическая наука, но при всем этом разнообразии путей она всегда и всюду была связана с развитием национального вопроса. Эксплуататорские классы господствующих наций всегда использовали этнографические исследования и материалы для пропаганды великодержавного шовинизма, для обоснования своего господства над угнетенными народами или для обоснования своих претензий на чужие территории. Угнетенным нациям этнография дает материал для обоснования своих требований на выделение, образование независимого национального государства; эксплуататорские классы используют этнографию для пропаганды местного национализма и т. д. Этнография играет крупную роль во всех случаях межнациональных отношений; господствующие классы всегда ставят перед этнографией определенные задачи, связанные с национальным вопросом. Развитие этнографии находится поэтому в непосредственной связи с развитием национального вопроса.

В развитии буржуазного национализма, если иметь в виду господствующие нации Европы и Америки, можно заметить два периода. Конец XIX в. и первые десятилетия XX в. буржуазия господствующих наций открыто проповедывала свой воинствующий национализм, отстаивала идею суверенности своих государств. Но теперь, в наши дни, когда кризис колониальной системы потрясает стены империй, когда идея национальной независимости стала знаменем борьбы колониальных народов против империализма, буржуазия свертывает свои национальные знамена. Теперь, когда лагерю империализма противостоит антиимпериалистический и демократический лагерь, когда реакция старается объединить все свои силы, чтобы сохранить отживший свой век порядок, буржуазия прячет свой национализм и поднимает знамя фальшивого космополитизма. А. А. Жданов говорил, что теперь рабочий класс, его коммунистические партии «должны взять в свои руки знамя защиты национальной независимости и суверенитета своих стран».

Для буржуазии и ее ученых лакеев теперь модным стало противопоставлять XIX век как век национализма XX веку как веку «интернационализма». Появилась огромная литература, многочисленные толстые «научные труды», имеющие целью ниспровергнуть идею национального суверенитета и утвердить идею космополитизма.

Тридцать пять лет назад И. В. Сталин в своей классической работе «Марксизм и национальный вопрос» дал исчерпывающее, строго научное определение понятия «нация». «Нация — это исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры», — писал И. В. Сталин. Это определение вошло ценнейшим вкладом в науку об обществе, оно с честью выдержало суровую жизненную проверку. Исключительный по своему богатству опыт национального строительства в СССР, становление и расцвет новых наций, национальные движения в колониальных и зависимых странах, борьба за национальную независимость европейских народов в годы второй мировой войны, разрешение национального вопроса в странах народной демократии блестяще подтвердили истинность, строгую научность этого определения.

Но какое дело «теоретикам» империалистической буржуазии до

науки! Они продолжают сочинять свои определения, которые с наукой ничего общего не имеют, но зато отвечают классовым интересам империалистов. Датский лингвист Есперсон в вышедшей в 1946 г. в Лондоне книге «Mankind, Nation and Individual» продолжает утверждать, что «никогда еще не было установлено, что следует понимать под нацией». Чтобы подорвать идею национальной суверенности, он предлагает устранить из рассмотрения нации все политические, военные и эмоциональные стороны, вынуть из понятия нации ее живую душу, а затем отбросить ее как ненужную ветошь.

В 1945 г. в Нью-Йорке вышла объемистая книга Н. Кohn «The idea of nationalism». Кон стремится доказать, что нация — это «пережиток эпохи варварства и дикости»; вопреки историческим фактам он утверждает, что идея и форма национализма были развиты еще у древних евреев и греков. Он считает, что нация не имеет никаких постоянных, обязательных признаков, что это понятие не предполагает никаких объективных факторов. Нация — это чистая идея, а «национальность» формируется решением создать национальность». Люди вольны как создать нацию, так и распустить ее. «Если даже национальность возникла, она может снова исчезнуть, быть поглощенной более широкой или новой национальностью. Национальности являются продуктом живых сил истории, а потому они всегда непостоянны, текучи» (стр. 13).

Разделавшись таким образом с понятием нации, объявив нацию бессодержательной идеей, Кон объявляет ее дальше устаревшей идеей. «Индивидуальная свобода должна быть сегодня организована на сверхнациональной», т. е. космополитической основе. Он предлагает разорвать связь нации и государственности, «деполитизировать национальность» и рассматривать нацию как «личное, волнующее чувство» вне связи с какой-либо политической организацией. Борьбу за национальную независимость он называет не иначе, как «провинциальный тоталитаризм».

Коллеги Кона по служению американскому империализму дополняют его своими «изысканиями». Альфред Коббан в книге «National selfdetermination» (Лондон, 1945) предлагает отбросить национальный суверенитет, так как он оказывается «непримиримым с разрешением основных проблем современного мира», так как «экономические и военные условия диктуют создание широких политических группировок». Ему вторит профессор Чикагского университета Л. Вирт, утверждающий, что «широкий регионализм, континентализм и универсализм диктуют новую концепцию ограниченной национальной суверенности». Католический «теоретик» дон Луиджи Стурцо в книге «Nationalism and Internationalism» (Нью-Йорк, 1946) предлагает заменить национальное сознание космополитическим сознанием, что, по его мнению, является необходимой предпосылкой создания «сверхгосударства» с мировым парламентом и мировым правительством. Подтверждая народную пословицу — куда конь с копытом, туда и рак с клешней, — правые социалисты Европы, продавая и предавая национальные интересы своих народов, подпевают этому, космополитическому хору. Австромарксист Оскар Поллак заявляет, что «время малых национальных государств миновало». Бельгийский социалист Спаак объявляет национальный суверенитет старой, вышедшей из моды реакционной идеей.

Целая орава псевдоученых, торгующих наукой, людей без совести и чести, мутят воду, чтобы облегчить англосаксонским империалистам ловить в ней рыбу. Должна быть единая «мировая» нация, и этой «мировой» нацией должна быть американская нация, или она должна быть создана на основе, по образу и подобию американской нации. Американская нация объявляется «высшей», «образцовой» нацией и противопоставляется другим нациям как «низшим».

Тот же Кон пишет, что есть бесцветные народы, как и бесцветные

личности, тогда как «в других личностях и народах некоторые общечеловеческие черты получают особое развитие» и они «накладывают свой отпечаток на другие народы». Кон объявляет американскую нацию универсальной. «Американская нация,— пишет он,— не была обусловлена «естественными» факторами крови и почвы, а также общей памятью долгой истории. Она была сформирована универсальной идеей... и поскольку идея была универсальна, каждый может быть включен, а если он пожелает, то и ассимилирован...» Каждый может стать американцем и даже больше того — каждый должен стать американцем, так как будущее принадлежит «американскому духу», так как человек «американского типа» является прообразом будущего «высшего существа».

Сначала превращают нацию в бессодержательную идею и объявляют ее пережитком варварства, затем призывают к национальному нигилизму и отказу от национального суверенитета, а потом объявляют американскую нацию универсальной, образцовой и призывают всех стать американцами. Так под флагом космополитизма ученые лакеи Уолл-стрита и их европейские прихлебатели проповедуют англо-саксонский шовинизм.

В полном соответствии с изменением отношения буржуазии к национальной идее происходит поворот и в буржуазной этнографии. Если раньше официальная буржуазная этнография открыто развивала идеи национализма и расизма, то сейчас буржуазные этнографы, в первую очередь и главным образом американские этнографы, превращаются в разносчиков космополитизма, завуалированного «психо»-расизма. Таков классовый заказ буржуазии. Этот поворот к космополитизму имеет и свои теоретические корни; он был подготовлен всем предыдущим развитием методологических основ буржуазной этнографии.

Не имея возможности в рамках журнальной статьи проанализировать развитие методологических принципов буржуазной этнографии, последовательную смену одних школ другими, ограничимся общей характеристикой теоретических основ буржуазной этнографии с точки зрения нашей специальной задачи.

Одиноко стоит в истории буржуазной этнографии мощная фигура Льюиса Моргана. Отправляясь от изучения определенного, конкретного народа — ирокезов и сравнивая его с другими уже известными науке народами, он подошел близко к материалистическому пониманию истории и, говоря словами Энгельса, «стихийно заново открыл Марксову историческую теорию». Для метода Моргана характерно то, что он изучает не человеческое общество вообще, не культуру вообще, а определенные народы в определенную историческую эпоху. Для метода Моргана характерно также то, что он начинает свое исследование с анализа «изобретений и открытий», т. е. с развития производительных сил. Но буржуазная этнография не пошла по пути Моргана. Сначала «официальная школа замалчивала его», как писал Энгельс, а потом начались ожесточенные нападки, не прекращающиеся до сих пор. И уже совсем неприемлемым для буржуазной этнографии оказался путь Энгельса — путь исторического материализма.

Для буржуазной этнографии характерен разрыв между описательной и теоретической этнографией и сближение последней с абстрактной и бессодержательной буржуазной социологией, исследующей общество вообще. Произошло даже разделение этнографии на собственно-этнографию, описание конкретных народов, и этнологию, которую германский историк этнографии Ахелис называл «наукой обобщений *par excellence*». Противопоставляя этнографию истории, Ахелис писал: «Задача историка следить за развитием отдельных народов. Даже всеобщая, всемирная история никогда не поднимается до той степени универсальности, которая принадлежит этнологии, обнимающей все чело-

вечество во всем его этнографическом разнообразии. Этнология старается установить психологическое начало всякой культуры, первые шаги пробуждающегося сознания, притом опять-таки, не в том или другом отдельном племени, а для всего человечества. Хронология, разумеется, оказывается совершенно излишней при такой универсальности».

Для буржуазной этнографии характерны, далее, отрыв культуры, как объекта этнографического исследования, от ее конкретных носителей — народов и превращение ее в самостоятельную сущность, обитающую вне времени и пространства. Эта идеалистическая концепция характерна как для эволюционной, так и для культурно-исторической школы — двух наиболее значительных школ буржуазной этнографии; различны лишь формы проявления этой концепции.

Эволюционная школа рассматривала культуру как механический набор изолированных друг от друга явлений, каждое из которых ведет самостоятельное существование. Раскладывая явления культуры по отдельным ящикам, рассматривая их вне общей, органической связи, эволюционисты, естественно, не могли дать картину культуры того или иного народа, как что-то целое, органически связанное. В своих исследованиях они акцентировали внимание на явлениях, общих для всех народов, а различия пытались свести к какому-то общему корню и на этом шатком основании строили какую-то надмировую культуру, оторванную от ее конкретных носителей, не имеющую национальных форм.

Культурно-историческая школа Гребнера-Шмидта с ее теорией культурных кругов исключает творческую роль народов в развитии культуры. Все развитие культуры сводится к миграции раз и навсегда данных культурных явлений, к диффузии, заимствованиям, аккультурации и т. п. Народ не создает своей культуры, а лишь осваивает бродячие по всему свету явления культуры. Богораз-Тан, следуя теории культурных ареалов, американской разновидности теории культурных кругов, пришел к архинелепому выводу, согласно которому вся территория СССР и культуры населяющих его народов представляют собою лишь «перемычку» между эллинистическим и дальневосточным культурными кругами; народы СССР, согласно этой космополитической «теории», не создавали своих культур, они лишь воспринимали и осваивали культурные элементы, возникшие в эллинистическом и дальневосточном кругах.

Для эволюции буржуазной этнографии характерны все увеличивающийся теоретический разброд, вытеснение прогрессивных направлений реакционными, все большее подчинение своей исследовательской работы непосредственным нуждам буржуазных правительств. Господствующим направлением буржуазной этнографии на первом этапе ее направления было направление эволюционизма. При всех недостатках ее методологических основ эволюционная школа сыграла безусловно положительную роль в развитии науки. Пользуясь методом сравнения явлений культуры разных народов, эволюционистам удалось доказать культурное единство человечества, установить последовательность в развитии этих явлений, близко подойти к пониманию единства законов развития всего общества. Но именно поэтому эволюционная школа оказалась скоро неприемлемой для буржуазной этнографии. Когда капитализм вступил в свою империалистическую стадию и начался общий поворот буржуазии в сторону реакции, эволюционная школа была отвергнута официальной наукой.

Появление на рубеже XIX и XX вв. культурно-исторической школы означало поворот буржуазной этнографии в сторону реакции, начало кризиса буржуазной этнографической науки. Сторонники этой школы отбросили всякую попытку вскрыть закономерности развития общества и его культуры; они объявили невозможным ответить на вопрос: почему происходят те или иные явления? Они отбросили самую идею раз-

вития. Дальнейшее развитие буржуазной этнографической мысли уже ничего нового дать по существу не могло, начался период теоретического бесплодия. И чем дальше, тем больше отходит теоретическая мысль буржуазной этнографии от реальной действительности в сферу «чистого духа», мистики.

Американская этнография проделала головокружительное salto mortale от стихийно-материалистических позиций Моргана через школу Боаса до мистицизма Кробера и всей этнопсихологической школы. Темпы ее развития соответствовали темпам развития американского капитализма. Вместе с капиталом из Старого Света эмигрировали в Америку и буржуазные теории. Но как американский капитал обогнал в своем развитии старые буржуазные страны Европы, так и американская этнография в своем падении обогнала буржуазную этнографию Европы.

Философской основой современной американской этнографии является одна из наиболее реакционных философских школ — прагматизм, «инструментализм» Дьюи. Объективной истины нет, истинна та теория или гипотеза, которая практически полезна; мысли и убеждения, утверждает Дьюи, имеют силу до тех пор, пока они практически полезны, пока они являются удобными инструментами действия, подобно тому как банковые билеты имеют силу, пока им не отказывают в приеме. Поэтому задача науки состоит не в отыскании объективной истины, а в создании идей, которые могли бы быть инструментами практического действия. Для эксплуататорских классов, в частности для американских экспансионистов, это очень «удобная» философия: можно объявить «истиной» любую идею, отвечающую классовым интересам буржуазии, можно объявить «истиной» и сумасшедшую идею мирового господства Уолл-стрита. А когда такая идейка найдена, дело сводится к тому, чтобы привить ее людям, подготовить их психологически к восприятию этой идеи. Отсюда «психологическая социология» прагматизма, внимание педагогике, психологическому воздействию на сознание масс. Отсюда увлечение психологией и патопсихологией в американской буржуазной этнографии.

Современное состояние американской этнографии характеризуется таким же или даже большим теоретическим разбродом, который наблюдается и во всей буржуазной этнографии. Но при всем этом разброде доминирующее место занимают разного рода психологические направления и прежде всего этнопсихологическая школа. Объектом этнографического исследования объявляется индивидуум, его психология, его настроения и привычки; психология индивидуума определяет состояние общества, изменение психологии вызывает изменение общественного устройства. Этнопсихологическая школа является сосредоточением всего реакционного и отсталого, она показывает глубину падения буржуазной этнографии.

Характерный для всей буржуазной этнографии отрыв культуры от ее конкретных носителей доведен в американской этнографии до его логического конца. Так, Кробер, например, понимает культуру как мистическую сущность, которая существует вне общества ее индивидуальных носителей и которая приводится в движение своей собственной силой. Под влиянием критики он был вынужден признать, что «культура существует только в личностях», но в том смысле, что «она находится, имеет место только в них». Вместе с тем он продолжает настаивать, что «исследователю культуры безразлично, где культура находится, существует она автономно от человека или нет»³. Чтобы примирить Кробера с его критиками, Мардок предлагает различать обычное поведение людей от идеальной культуры и объявляет обычное

³ «American Anthropologist», 1948, № 3, стр. 405—415.

поведение людей (*real cultural pattern*), не имеющим никакого отношения к науке о культуре. Оплер⁴ делает отсюда вывод, что культура может изучаться отдельно от ее носителей.

Наш краткий очерк развития методологических основ буржуазной этнографии показывает, что буржуазная этнография всем ходом своего развития была подготовлена к выполнению космополитического заказа реакционной буржуазии. Идеалистическое истолкование культуры, отрыв культуры от ее конкретных носителей, склонность к бессодержательным социологическим обобщениям — таковы теоретические корни проникновения реакционных идей космополитизма в этнографию.

Рассмотрим теперь, как американская этнография выполняет классовый заказ своих хозяев.

II

Этнопсихологи утверждают, что у каждого народа есть своя «модель культуры» или своя «конфигурация», преобладающая черта (Рут Бенедикт), свой психологический профиль или психологический тип, «основная личность» (Кардинер). В переводе на общедоступный язык это означает, что у каждого народа есть свой национальный характер, свой национальный склад жизни. Только у этнопсихологов «культурная модель» превращена в самостоятельную субстанцию, она не определяется историей, а сама определяет историю. Рут Бенедикт писала, что культура имеет в себе или в своей основе «основную психологическую тенденцию» (*fundamental psychological set*). Позднее она заменила «психологическую тенденцию» новым термином — «доминирующая идея», или лейтмотив. Лейтмотив управляет развитием культуры, «культурная модель» является конечным продуктом лейтмотива. Чтобы изменить «культурную модель», т. е. образ жизни людей, надо изменить их лейтмотив, привить им новую «доминирующую идею».

Признав наличие различных «культурных моделей», т. е. различных национальных укладов жизни, этнопсихологи объявляют этот «разнобой» причиной всех зол современного общества. Страницы этнографических журналов пестрят заголовками статей о «культурном кризисе». Бидней пишет, что мы живем в «век мирового кризиса» и что «весь запас человеческих знаний и человеческой мудрости должен быть как можно полнее использован, чтобы установить основной диагноз и направление дальнейшего движения»⁵.

Этнопсихологи поставили диагноз: причина мирового кризиса в отсутствии единой мировой «культурной модели», единой мировой «доминирующей идеи». Рут Бенедикт пишет, что «симметричным обществом» (термин-то какой!) является такое общество, в котором все силы подчиняются одному лейтмотиву, что «здоровая культурная конфигурация (какие перлы учености!) достигается только там, где общество направляется единой идеей или лейтмотивом». Этой «ученой» даме и невдомек, что на земле существует такое общество, где все силы людей подчинены одной, единственной идее — построения коммунистического общества, только эта идея является не творением прагматической философии, а отражением реальных, коренных интересов общества, всей массы народа. Недалеко то время, когда эта идея овладеет всем трудящимся человечеством, когда весь мир будет работать над осуществлением этой идеи, но для этого требуется уничтожить империализм, которому служит так усердно Рут Бенедикт.

Соратники Рут Бенедикт объясняют отсутствие единой «культурной модели», как главную причину мирового кризиса, расовыми различия-

⁴ «*South Western journal of anthropology*», 1948, № 2, стр. 147.

⁵ «*American Anthropologist*», 1946. № 4, стр. 534.

ми народов. Кардинер, например, утверждает, что народы, имеющие разный психологический профиль, по-разному реагируют на одни и те же исторические события. Кробер его уточняет. Он пишет, что примитивные народы, а к ним он относит по меньшей мере все колониальные народы, воспринимают всякие изменения туго, медленно, так как у них нет организованных поисков технических усовершенствований и научных знаний; все это объявляется свойством народов западной культуры.

Таков диагноз. Теперь нетрудно прописать рецепт. Нужна мировая «культурная модель», мировая «доминирующая идея», нужно сдать в архив древностей разные «психологические профили», национальные «культурные модели». Кробер считает основной проблемой современности «создание идеи общечеловеческого культурного родства, могущего быть орудием преодоления культурных кризисов»⁶.

Нетрудно видеть, кому служат все эти упражнения в «социальной медицине». В. И. Ленин писал:

«Личные особенности современных профессоров таковы, что среди них можно встретить даже редко тупых людей вроде Тугана. Но общественное положение профессоров в буржуазном обществе таково, что пускают на эту должность только тех, кто продает науку на службу интересам капитала, только тех, кто соглашается против социалистов говорить самый невероятный вздор, бессовестнейшие нелепости и чепуху. Буржуазия все это простит профессорам, лишь бы они занимались «уничтожением» социализма»⁷.

В современном мире действительно нет мировой, космополитической «культурной модели». Человечество разделено на отдельные нации. Каждая нация имеет свою национальную культуру, свои нравы, обычаи, свой особый склад жизни. Каждая нация дорожит своей национальной спецификой, любит ее, гордится ею и не хочет менять ее на какую-нибудь космополитическую похлебку. Больше того, каждая национальная культура содержит в себе две культуры. «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры»⁸. Мир расколот на два лагеря, и каждый лагерь руководствуется своим «лейтмотивом»: лагерь антиимпериалистический и демократический во главе с СССР борется за прочный мир, за народную демократию и социализм; лагерь империалистический и антидемократический во главе с США борется за укрепление империализма, за сохранение наемного рабства и колониального угнетения.

Этот «разнобой», это деление общества на самостоятельные нации и борющиеся классы не устраивает американских империалистов. Они хотели бы уничтожить демократическую и социалистическую культуру и заставить своих наемных рабов воспринять буржуазную «культурную модель». На помощь им спешат этнографы. Известный австрализовед профессор Чикагского университета Уорнер меняет круг своих интересов и начинает изучать «психологические основы» управления рабочими на предприятиях Западной электрической компании; его примеру последовали другие, и теперь этнографическое изучение отдельных групп американского общества вошло в моду. «Только тогда, когда наука о человеческих отношениях достигнет такого же полного развития, как старые естественные науки, можно будет надеяться устранить

⁶ «American Anthropologist», 1946, № 4.

⁷ Ленин, Соч., т. XVII, стр. 243.

⁸ Там же, стр. 137.

источники взаимных столкновений индивидуумов, установить гармонические отношения между многими группами, составляющими нацию», — пишут Чэппл и Кун в «Principles of Anthropology» (1942).

Американские экспансионисты хотели бы уничтожить национальную независимость народов, уничтожить их национальные культуры и навязать всем свой «американский образ жизни». Им на помощь спешат этнографы и предлагают выработать космополитическую «модель культуры», в основу которой должна быть положена американская модель, так как «американский тип» объявлен прообразом будущего «высшего существа».

Американские этнографы идут дальше. Они делают еще одно «открытие». Оказывается, что народ не может сам изменить свой «психологический профиль». Кардинер, например, пишет: «Пытаться сделать это — все равно, что пытаться поднять себя за шнурки сапог». Нужна посторонняя помощь, и эта «помощь» может быть оказана, конечно, только Америкой. Типична в этом отношении работа Кора дю-Буа о туземцах острова Алор (Индонезия); туземцы примитивны, фрейдовские комплексы выражены у них чрезвычайно ярко, но их можно исправить, дав им надлежащее американское воспитание. Чтобы изменить свой «несовершенный», «психологический профиль», все народы должны включиться в план Маршалла, маршаллизироваться. Не зря платят американские тузы своим профессорам от этнографии!

Наиболее ретивые из них решили от слов перейти к делу. В «American Anthropologist» (№ 3 за 1948 г.) помещена любопытная публикация: «Подготовка граждан мира». Оказывается, что группа этнографов во главе с Г. Уорнер организовала в штате Аризона школу с определенной целью «подготовки студентов к обязанностям мирового гражданства». При приеме учащихся предпочтение отдается детям иностранцев, молодым людям, «сознание которых еще не обременено предрассудками». Этнографы взяли на себя практическую задачу подготовки безродных космополитов, «сверхграждан», из которых на самом деле будут подготовлены какие-нибудь сверхшпионы. Но американским этнографам уже не привыкать выполнять шпионские задачи!

Современный космополитизм — это идеологическое обоснование безудержной империалистической экспансии, рассчитанной на подчинение всего мира американскому или англо-американскому капиталу. Современный космополитизм — это рафинированный англо-саксонский национализм, расизм. Борьба с космополитизмом является священной обязанностью каждого сторонника мира, демократии и социализма. Почетная роль в этой борьбе принадлежит советской этнографии.

III

Советская этнография сложилась и развивается на прочном фундаменте пролетарского интернационализма. Ей абсолютно чужды идеи буржуазного национализма, национального нигилизма и космополитизма.

Идеология и политика национализма построены на преднамеренном искажении понятия нации, когда нация трактуется или как порождение неизменного, надисторического «национального духа» или как продукт биологических особенностей. Советская этнография исходит из ленинско-сталинского учения о нации, которое рассматривает нацию как категорию историческую и решительно отвергает участие биологических факторов в формировании нации.

Идеологи и политики национализма считают национальную вражду неизбежным результатом национального размежевания общества, считают ее непреодолимой и, искажая исторические факты, сводят всю историю к национальным отношениям. Советская этнография, верная

ленинско-сталинскому учению о национальном вопросе, исходит из того, что у трудящихся масс разных национальностей нет поводов для взаимной неприязни и вражды, что национальная вражда вызвана и искусственно разжигается эксплуататорскими, буржуазными классами, что эта вражда выгодна только эксплуататорам, что интересы трудящихся масс требуют, наоборот, братского объединения сил для совместной борьбы против эксплуататоров.

Национализм проповедует превосходство одних наций над другими, человеконенавистническую теорию «избранных наций», призванных господствовать над другими нациями, которые относятся в разряд «неполноценных». Национализм есть политика порабощения малых наций большими нациями, политика эксплуатации и угнетения народов колоний и зависимых стран. Советская этнография исходит из того, что «разница в цвете кожи или в языке, культурном уровне или уровне государственного развития, равно как другая какая-либо разница между нациями и расами — не может служить основанием для того, чтобы оправдать национальное неравноправие»⁹.

Национальный нигилизм также чужд советской этнографии, как и национализм. Национальный нигилизм означает пренебрежение национальными особенностями своего народа, его национальными интересами. Пропаганда национального нигилизма по отношению к малым и угнетенным нациям выгодна лишь буржуазии господствующей нации; разносчики национального нигилизма являются вольными или невольными агентами великодержавного национализма. Трудящиеся массы любой нации не могут относиться безразлично к судьбам своей нации, своей национальной культуры, своей национальной независимости. Наоборот, они дорожат своим языком, своими национальными традициями и пр.; им совсем не чуждо чувство национальной гордости. «Каждый, в том числе и русские, — говорит М. И. Калинин, — гордится своей национальностью, да и не может не гордиться: ведь он же сын своего народа!»

Знаменем советской этнографии является пролетарский интернационализм, принципиально чуждый как буржуазному национализму, так и национальному нигилизму. Пролетарский интернационализм означает:

1) признание того, что все нации равноценны в их потенциальных возможностях развития, что каждая нация вносит свой вклад в мировую культуру, дополняет и обогащает ее;

2) признание того, что все нации суверенны, имеют равное право на независимое существование и что никакая нация не имеет права навязывать другой нации свою волю;

3) признание того, что трудящиеся массы всех наций имеют общего врага, общие цели и задачи борьбы, что в интересах этой борьбы трудящиеся всех наций и прежде всего пролетарии всех стран должны объединить свои силы в единый антиимпериалистический фронт.

Реакционные буржуазные социологи и этнографы выдают космополитизм за интернационализм. На самом деле пролетарский интернационализм также враждебен космополитизму, как и национализму. Космополитизм противопоставляет национальное интернациональному, является уточненной формой буржуазного национализма. Пролетарский интернационализм не противопоставляет национальное интернациональному. Угнетенные нации могут разрешить успешно свои национальные задачи, завоевать национальную независимость только в братском интернациональном единстве с пролетариями, с трудящимися всех других наций. Ленинско-сталинское учение о национальном вопросе исходит из признания единства национальных и интернациональных задач пролетариата и всех трудящихся: «противопоставлять «национальные» задачи пролетариев той или иной страны задачам интернациональ-

⁹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 516.

ным — значит допускать глубочайшую ошибку в политике»¹⁰, — говорит И. В. Сталин.

Ленинско-сталинское учение о национальном вопросе исходит, наконец, из того, что национальный вопрос может быть разрешен полностью только на путях социалистической революции, что только в социалистическом обществе национальные интересы гармонически сливаются с интернациональными. «В советском патриотизме, — говорит И. В. Сталин, — гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот, сплавливает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью»¹¹.

Советская этнография в первые годы революции развивалась в напряженной борьбе против великодержавного шовинизма и местного национализма; ее борьба явилась ценным вкладом в общее дело строительства социализма в нашей стране. Изучая национальную специфику народов СССР, советская этнография оказала партии и правительству большую помощь в деле строительства национальной по форме и социалистической по содержанию культуры.

Советская этнография имеет славные традиции борьбы с разнообразными расистскими теориями. Разоблачением расистских концепций германского фашизма советская этнография внесла свой вклад в дело победы над темными силами фашистской реакции. Советская этнография всегда выступала в защиту колониальных народов, разоблачая расистские измышления английских, французских и прочих империалистов.

Нельзя сказать, что советская этнография не ведет борьбы против буржуазного космополитизма. Вся научная деятельность советских этнографов, утверждающих идею пролетарского интернационализма, является противостоянием против космополитических идей. Но прямая и непосредственная борьба с космополитизмом является для советской этнографии все же новой задачей. С. П. Толстов в ряде своих статей поставил перед советскими этнографами эту задачу, но должного отклика на этот призыв еще не последовало, необходимого внимания эта задача к себе еще не привлекла. А между тем в самой советской этнографии не все в этом отношении благополучно. Есть ряд изъянов, которые мешают развертыванию этой борьбы, есть ряд работ, которые являются невольной уступкой космополитизму.

Одним из направлений борьбы с космополитизмом является борьба за приоритет родной науки. Представители воинствующего космополитизма проповедают лживую «теорию» о безнациональном характере мировой науки и под прикрытием этой «теории» обворовывают другие народы, приписывают своей нации незаслуженную славу и отрицают за другими нациями какое-либо участие в развитии мировой науки. Особая агрессивность проявляется по отношению к достижениям нашей советской науки; в нашей печати приводилось уже не мало конкретных фактов по этому вопросу. Космополитическая концепция мировой науки теоретически несостоятельна и политически реакционна. Мировая наука не безнациональна, она не развивается вне конкретных исторических форм. Всякая наука, как и культура вообще, национальна по форме и классова по содержанию. Всякое научное открытие принадлежит определенной нации, всякая новая теория создается учеными, принадлежащими к определенному народу. Мировая наука является лишь сводкой, синтезом того, что сделано учеными всех стран. Борьба за приоритет в науке имеет сейчас большое политическое и теоретическое значение. Без этого нельзя решить поставленную товарищем Сталиным перед со-

¹⁰ В. И. Ленин и И. В. Сталин, Сборник произведений по изучению истории ВКП(б), т. III, стр. 158.

¹¹ И. В. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, Военгиз, 1948, стр. 141.

ветской наукой задачу: «не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны».

Советская этнография получила от старой, дореволюционной этнографии богатейшее наследство. Русская этнографическая наука внесла ценный вклад как в собирание этнографических материалов, так и в теоретическую разработку проблем этнографии. Как ни в одной другой стране, русская этнография была, если можно сказать, наукой массовой: тысячи добровольных корреспондентов из низов русской интеллигенции со всех концов страны слали материалы в этнографические центры. На поприще русской этнографии трудились знаменитые путешественники и видные ученые.

Развитие русской этнографии не представляло собой, конечно, единого сплошного потока; наряду с течениями прогрессивными были течения и реакционные; одни из ее представителей последовательно проводили прогрессивные идеи, другие, как упоминаемые в этой статье Надеждин и Кавелин, эволюционировали вправо, уходили в реакционный лагерь. Однако русская этнография всегда шла впереди в деле разработки и пропаганды передовых этнографических идей. Теоретические высказывания великих революционных демократов в области фольклора, например, стояли на таком высоком уровне, что буржуазной фольклористике Западной Европы так и не удалось подняться до этих теоретических высот. Работы Моргана и Бахофена находили в России более живой отклик, чем у себя на родине.

Но научной истории русской этнографии до сих пор нет. Нельзя сказать, что в этом направлении ничего не делается. В журнале «Советская этнография» напечатан ряд статей об отдельных представителях дореволюционной русской этнографии (Токарева, Косвена, Степанова и др.). Опубликовано несколько работ о Миклухо-Маклае; готовится к печати собрание его сочинений. Все это, однако, лишь начало большой работы, за которую должны дружно взяться советские этнографы. До сих пор остаются почти не разработанными теоретические взгляды революционных демократов по фольклористике. Хорошо известно, что они не мало проявили интереса и к этнографии. Перу Н. Г. Чернышевского, в частности, принадлежит ряд рецензий и обзоров этнографической литературы, в которых разбросана масса, подчас мелких, но теоретически важных замечаний, оказавших несомненное влияние на передовую часть русских этнографов. Не мало этнографического материала печаталось в «Современнике». Но все это остается пока почти не освоенным, не изученным. От отдельных очерков и статей пора перейти к составлению общей научной истории русской этнографии.

Большой интерес с точки зрения борьбы за приоритет русской науки представляет книга М. О. Косвена «Матриархат». Автор проделал огромную и крайне полезную работу по истории развития русской научной мысли в вопросе о матриархате. Собирая материал по крупицам, он создал довольно стройную картину этой истории. Автор многократно и со всей определенностью подчеркивает, что русская этнографическая наука XIX в. была «неизмеримо более передовой и прогрессивной, чем зарубежная» (стр. 177). Собранный им материал дает возможность по-новому поставить вопрос о соотношении русской и мировой этнографической науки, о роли русской этнографии в развитии этнографической науки, о пересмотре некоторых традиций.

За несколько лет до выхода в свет книги Бахофена «Материнское право» у нас в России Кавелин, Шульгин и Добряков поставили и в основном правильно решили на примере славянских народов вопрос о положении женщины в родовом обществе. Обобщая их высказывания по этому вопросу, М. О. Косвен пишет: «Так, совершенно самостоятельно русскими историками было создано... оригинальное представление

о былом свободном, независимом и почетном положении русской и славянской женщины вообще» (стр. 77).

Исследуя дальнейшую судьбу теории Бахофена, М. О. Косвен с законной гордостью за отечественную науку подчеркивает, что работа Бахофена получила признание в России гораздо раньше, чем в Западной Европе.

Не менее интересный материал собран автором и по другому вопросу — о роли отечественной науки в разработке теории рода. Теоретическая разработка накопленного по этому вопросу фактического материала началась, как известно, лишь в начале XIX в. Почти одновременно с постановкой этого вопроса за рубежом, он был поставлен в русской науке ректором и профессором Дерптского университета Эверсом. Оценивая изданный им в 1826 г. труд «Древнейшее право русских в его историческом развитии», М. О. Косвен устанавливает, что «созданная Эверсом концепция родового строя представляется прежде всего вполне оригинальной, сложившейся у него совершенно самостоятельно, независимо от каких-либо взглядов других авторов. В резком отличии от зарубежных позиций, род у Эверса является достоянием не тех или иных народов и не только русских или славян вообще, а форму универсальную, свойственную первобытному состоянию всего человечества» (стр. 93).

Дальнейшая разработка родовой теории за рубежом, в Германии, в частности (Зибель, например), шла под влиянием идей Эверса. Анализируя высказывания Т. Грановского, С. Соловьева и других русских ученых по этому вопросу, М. О. Косвен противопоставляет их высказываниям немецких ученых. «Глубоко чуждые национально-шовинистической позиции немецкой науки, ограничивавшей признание рода,— если таковой вообще признавался,— не считая народов античного мира, только для германцев... русские ученые середины XIX в. единодушно приняли род как явление универсально-историческое» (стр. 99—100).

М. О. Косвен далеко не охватил всю русскую литературу по этим вопросам, и нет сомнения, что дальнейшие исследования в этом направлении дадут еще немало нового, откроют еще другие блестящие страницы истории русской науки.

Западная Европа пренебрежительно относилась к русской науке, не знала ее достижений, замалчивала их, а правящие классы России не боролись за ее приоритет, и потому сложилась вредная традиция изображать русских ученых лишь как учеников Запада. В ряде отраслей науки, по ряду вопросов истина уже восстановлена. Не пора ли и в этнографии пересмотреть некоторые традиции?

Среди некоторой части советских этнографов и фольклористов еще не изжито расшаркивание перед европейской, буржуазной наукой. Еще не все наши ученые считают своим патриотическим долгом пропагандировать прежде всего достижения русской, советской науки; даже, наоборот, в некоторых работах сквозит пренебрежение к русской этнографии и фольклористике. Укажем книгу проф. Проппа «Исторические корни волшебной сказки», заслуженная резкая оценка которой уже была дана нашей научной общественностью и нашей печатью. О природе сказки писали и русские и зарубежные исследователи, причем именно у русских исследователей дается научное, материалистическое истолкование сказки. Проф. Пропп обходит молчанием все, что писали о сказке революционные демократы, Максим Горький, который является по существу основоположником советской фольклористики. Проф. Пропп без конца ссылается на интуитивиста Леви-Брюля, на фашиствующего этнографа Фробениуса, на мистика Кробера и в результате дает идеалистическое, совершенно не научное истолкование сказки. Проф. Пропп выступает как безродный космополит, для которого вопрос о приоритете русской науки не существует, для которого не дорога честь своей

родины. Проф. Пропп замалчивает тот несомненный факт, что русская фольклористика стояла всегда выше западноевропейской фольклористики и раздвигает заслуги разных европейских «авторитетов».

Не борется за приоритет родной науки и проф. Равдоникас, опубликовавший двухтомную работу «История первобытного общества». Русская археология сделала очень много для науки. За тридцать лет советской власти проведено по единому государственному плану большое число крупных археологических экспедиций; советское государство щедро отпускает средства для этих экспедиций, и они дают ценнейшие материалы. Нельзя сказать, что проф. Равдоникас обходит успехи русской археологии, замалчивает их, но говорит он о них в последнюю очередь и больше декларативно. Текст второго тома пестрит ссылками на находки зарубежных ученых, университетских, академических экспедиций, и редко, очень редко встречаются имена русских ученых.

Советская этнография и фольклористика еще не освободились от пережитков, традиции буржуазной науки в описании первобытного общества, традиции, идущей от Бастиана — Тэйлора и всей эволюционной школы. Эволюционисты рассматривали первобытное общество как недифференцированную, безликую человеческую массу. Такой подход эволюционистов можно оправдать тем, что фактический материал по отдельным народам был тогда еще недостаточен, и, чтобы дать картину первобытного общества, надо было собирать по крупицам факты, относящиеся к разным народам. Такой подход эволюционной школы на первых порах ее развития, когда материалистическое понимание истории еще не было разработано, когда всеобщие законы развития человеческого общества еще не были ясно сформулированы, имел даже положительное значение. Однако уже в 1884 г. Энгельс, опираясь на открытое Марксом материалистическое понимание истории, подошел к описанию первобытного общества совсем иначе и дал характеристику каждой стадии развития на примере одного, вполне определенного народа... «события, поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, приводят к совершенно разным результатам, — писал К. Маркс. — Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления; но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее надисторичности»¹².

И если пережитки эволюционизма были еще как-то терпимы в первые годы нашей революции, то теперь с ними нельзя мириться. Теперь материалистическое понимание истории не только разработано, но стало достоянием широких народных масс нашей страны. Единство законов развития человеческого общества обосновано величайшим количеством фактического материала. Да это и не входит в задачи этнографии, это — дело особой науки, исторического материализма; дело этнографии показать, как эти законы преломляются в конкретных условиях, в истории развития отдельных народов. По первобытной истории отдельных народов теперь собран уже такой обильный материал, что можно дать историю отдельного народа не менее богатую, чем история первобытного общества вообще.

И тем не менее, почти все теоретические работы по истории первобытного общества пишутся у нас в старом плане эволюционной школы. Проф. Равдоникас, например, описал все континенты, сотни племен, но в этом описании нет картины жизни ни одного племени или группы племен; есть этнографические категории, но нет народа; есть абстрактная социологическая схема, но нет этнографии. И даже руководящий орган советской этнографии — журнал «Советская этнография» — не освобо-

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, 1947, стр. 316.

дился полностью от этих традиций; об этом говорят статьи М. О. Косвена «Авункулат» и «Семейная община».

Очевидно, что теперь дело не в недостатке материала, а в методе, в подходе к истории первобытного общества, в традиции. Надо решительно отказаться от рассмотрения первобытного общества как безликой, недифференцированной массы. Ахелис, ссылаясь на Бастиана, строил такую схему развития человечества: первобытность — сплошная недифференцированная масса, цивилизация — национальная дифференциация, а «венец цивилизации носит тот же монотонный характер, который мы встретили на заре социальной эволюции». Но эта схема чужда нашему мировоззрению и вредна политически; это — дорожка к космополитизму. Именно в первобытном обществе наблюдалась наибольшая дифференциация.

Первобытность — это не только далекая история, но и современность. Наша советская революция застала многие народности на стадии первобытного общества, но они совсем не были идентичными. Многие народы колоний, в Африке например, и сейчас находятся на последних стадиях первобытного общества. Они совсем не монотонны, совсем не похожи один на другой. Колонизаторам выгодно мазать все колониальные народы одной черной краской, чтобы кроить и перекраивать колониальные территории, не считаясь с этническим составом населения. Советский этнограф должен видеть не безликую массу — «негры» в Африке, а конкретные народы, имеющие свою этническую специфику.

Основным объектом исследования советского этнографа является «конкретный народ (племя, этническая группа, национальность), рассматриваемый как творец и носитель своей исторически сложившейся культуры» (С. П. Толстов). Каждый народ имеет свою далекую историю, уходит корнями в глубокую старину. Пора отказаться от абстрактной социологизации первобытного общества. Этнография — не социология, а историческая наука. Надо изучать настоящее и далекое прошлое конкретного народа, ставить большие общие проблемы первобытного общества на конкретном материале конкретных народов. Это будет выполнением обязанности этнографа перед своим народом, перед наукой, это будет борьба с космополитизмом.

В среде советских этнографов все еще имеет хождение давно разоблаченная нашей наукой «теория» миграции культурных явлений. В качестве наиболее яркого из последних примеров укажем на доклад, прочитанный членом-корреспондентом Академии Наук СССР Д. К. Зелениным на конференции по изучению финноугорских народов при Ленинградском университете в начале 1947 г., по вопросу об общих элементах в древних русских и финских костюмах¹³. Д. К. Зеленин игнорирует конкретно-исторические условия развития одежды русских и финнов, проходит мимо исторически сложившихся культурных связей финских народов с русскими и подменяет все это идеалистической, метафизической концепцией «закона мод». Он утверждает, что «новые костюмы распространяются в массах по законам мод». Следуя открытому им «закону», он все свое исследование сводит к изучению «передвижения (мод.— И. П.) с запада на восток», и оказывается, что «мода на шушпан-жупан пересекла всю Европу, прошла от Пиренейского полуострова до мордвы на востоке Европы», что «с запада пришла новая мода на головные уборы в виде птицы» и т. д.

Низкопоклонники перед Западом, последователи реакционной «теории» заимствований, отрицали за русским народом право на самостоятельную научную мысль, приписывая Западу все научные открытия. Д. К. Зеленин дополняет их, он отрицает за русским народом даже пра-

¹³ См. «Советское финноугроведение», 1, Ленинградский ордена Ленина Государственный университет, Ученые записки, Серия востоковедческих наук, вып. 2, 1948

во на самостоятельное творчество в одежде, утверждая, что даже одежду русский народ заимствовал с Запада.

Советская фольклористика все еще не освободилась от компаративизма, являющегося духовной пищей космополитизма. Нельзя терпеть «научные» труды вроде указанной выше книги проф. Проппа, в которой он с тщательностью, достойной лучшего применения, старается вытравить русский дух из русских сказок. Укажем еще книгу проф. Жирмунского «Узбекский народный героический эпос» (1947), в которой он «споры о национальной принадлежности эпосов» считает анахронизмом, пережитком. С точки зрения проф. Жирмунского, безродный сюжет «Муж на свадьбе своей жены», неизвестно где и когда возникший, гуляет по всему свету и определяет не только эпос узбекского народа, но и современные песни «О возвращении солдата». С этой точки зрения, узбекская действительность является лишь фоном, на котором разворачиваются космополитические сюжеты.

Год тому назад на дискуссии в Институте этнографии был подвергнут резкой критике так называемый «функционально-структуральный метод» П. Г. Богатырева; было всеми признано, что это антимарксистский формалистический метод, смыкающийся с реакционными концепциями функциональной школы Малиновского — Смэтса. Но формалистический метод неминуемо ведет к космополитизму, — нельзя быть патриотом и формалистом одновременно. Не случайно антипатриотическая группа литературных критиков боролась против социалистического реализма с позиций формализма. Несмотря на все это, П. Г. Богатырев в течение года не опубликовал ничего, что свидетельствовало бы об его отказе от этого метода.

Советские фольклористы за последний год сделали не мало для преодоления традиций Веселовского. На достигнутом нельзя успокаиваться, так как традиции эти пустили глубокие корни, живучи и ликвидация их требует упорной борьбы. Совсем недавно в Институт этнографии были представлены на соискание ученой степени две диссертации по фольклористике, авторы которых продолжают традиции Веселовского: докторская диссертация Барага «Белорусская героическая сказка» и докторская диссертация Мелетинского, в которой автор разрабатывает космополитический образ «мировой сиротки». Правда, обе эти диссертации были отвергнуты сектором фольклора и не допущены к защите, но самый факт появления таких работ весьма показателен.

И, наконец, последняя, по счету, задача борьбы с космополитизмом состоит в том, чтобы систематически и беспощадно разоблачать всех проповедников космополитизма в зарубежной этнографии. Пропагандист космополитизма — это не «ученый коллега», а наемник реакции, империалистической агрессии. Критика американских этнографов-космополитов на страницах журнала «Советская этнография» выражается пока в немногочисленных рецензиях. И ведется эта критика недостаточно остро, в известной мере объективистски, нередко без должных политических выводов и оценок.

Мы ограничились лишь несколькими примерам из области советской этнографии и фольклористики, чтобы показать основные направления борьбы с космополитизмом. Мы не ставили перед собой задачу анализа всей этнографической и фольклористической литературы под этим углом зрения. Это должно быть задачей всего коллектива этнографов и фольклористов. Борьба с космополитизмом — это важное средство воспитания советского патриотизма, любви и гордости своей страной, своим народом, его борьбой и достижениями в развитии науки, культуры, в строительстве нового, коммунистического общества.

Борьба с космополитизмом и необходимая для этого бдительность должны быть постоянной заботой наших ученых. Надо пересмотреть всю работу, чтобы закрыть все лазейки космополитизму, чтобы вытра-

вить все невольные уступки этой реакционной идеологии, чтобы превратить этнографию и фольклористику в еще более острое, в еще более мощное средство коммунистического воспитания.

Против космополитизма необходимо вести систематическую, непримиримую борьбу. И неперенным условием успеха является идейная выдержанность, советский патриотизм, большевистская принципиальность всей научной работы. «Советский ученый — горячий патриот социалистической Родины. Он преисполнен чувства гордости за нашу советскую науку, за ее достижения, за ее приоритет в важнейших открытиях и изобретениях. Советскому ученому-патриоту чуждо какое бы то ни было преклонение перед гниющей буржуазной наукой — служанкой реакции, пособницей поджигателей новой войны»¹⁴.

¹⁴ «Правда» от 11 декабря 1948 г.